

Станислав Андрески: ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ СОЦИОЛОГИИ НЕЗНАНИЯ

В.П. Макаренко

Имя Станислава Андрески (1919–2007) редко упоминается в отечественных работах по социальной философии. Отчасти это происходит потому, что его концептуальные оценки состояния современных социально-гуманитарных наук носят весьма критический характер. Но главная причина непопулярности его критики состоит в том, что в основание своих жестких оценок он положил прямые апелляции к социально-политической и гуманитарной реальности XX в. Он посвятил свою жизнь критическому анализу идей социологии (специально идей М. Вебера) в контексте войн, революций, диктатур и других катастроф прошлого столетия.

В статье предпринимается попытка оценить методологическую эффективность представленного в работах Андрески подхода к современной социологии и обосновывается мысль, что исторический опыт его поколения представляет для нас, живущих в не столь трагическую, но, тем не менее, достаточно бурную, чреватую непредсказуемыми последствиями эпоху, несомненный экзистенциальный, исследовательский и методологический интерес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Станислав Андрески, социально-гуманитарные науки, «социология незнания», шарлатанство в науке.

МАКАРЕНКО Виктор Павлович – Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, 344065, пер. Днепроvский, д. 116.

Доктор философских и политических наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

vrmakar1985@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2018 г.

Цитирование: *Макаренко В.П.* Станислав Андрески: исходные посылки социологии незнания // *Вопросы философии.* 2019. № 5. С. 59–69.

Станислав Леонард Анджееvски (Андрески) (1919–2007) закончил гимназию в Познани. В 1938 г. поступил на факультет экономики и права Познаньского университета. Воевал в 1-й танковой дивизии Польских вооруженных сил на Западе. После Второй мировой войны остался в Великобритании. Учился в Лондонском университете и Лондонской школе экономики. Преподавал социологию в высших учебных заведениях. Был автором множества книг, переведенных на разные языки. Наиболее актуальной из них представляется его работа «Озарения и ошибки Макса Вебера», в которой он подверг критике концепцию рациональности классика современной социологии и методологии социального познания [Andreski 1984; Макаренко 2011].

Результаты этой критики могут по-разному оцениваться в различных проблемных пространствах социологии и философии, но наибольший интерес вызывают истоки

их радикальности. Апеллируя к очевидностям повседневных социальных практик, Андрески позволяет себе сказать то, о чем часто умалчивают респектабельные философские и социологические конструкции. В качестве примера такого рода критики можно привести идею Андрески об общих ошибках К. Маркса и М. Вебера — мыслителей, которых чаще всего противопоставляют друг другу. А между тем подчеркивание их сходства становится тем более актуальным, чем большее место занимает концепция М. Вебера в современных словарях социальных наук, политики и публицистики, в том числе и в России [Вебер 2016, Вебер 2017]. Конечно, связь идей Вебера и Маркса уже была прослежена в классическом труде Д. Лукача [Лукач 2017], демонстрировавшего набор вопросов и соответствующих социальных, политических и мировоззренческих ответов на них, которые присутствуют в работах Вебера и Маркса и сохраняются в явном или латентном виде на протяжении целого столетия [Поцелуев 2017]. Но особенность работы Андрески состоит в том, что он прямо указывает на роль этих вопросов и ответов в реальных судьбах конкретных людей и целых поколений, погибших в борьбе за воплощение соответствующих идей. И именно из этого погружения известных социологических концепций в реальность социальной жизни вырастает выдвинутая и обосновываемая в книге Андрески квалификация социальных наук как колдовства, вырастает его критика религиозных и светских идеологий. При этом, чтобы уяснить представленные у Андрески теоретические измерения этой критической позиции, требуется обращение к целому ряду релевантных современных методологических трактовок статуса социологии как науки (см.: [Томэ, Шмид, Кауфман 2017]).

***

Главным объектом анализа Андрески является современная наука и прежде всего ее социально-гуманитарные области. Причем наука, взятая в контексте культуры. Такая оптика была намечена Андрески еще в 1950-1960-е гг. — времена всеобщей эйфории перед достижениями науки. Замечу, в те годы он был далеко не единственным критиком излишних сциентистских претензий. В частности, суждения Андрески на эту тему перекликаются с концептами социальной инерции и научно-технической контрреволюции, которые были сформулированы М.К. Петровым примерно в то же время для дистанцирования от идеологемы «научно-технической революции» [Петров 1996^a; Петров 1996^b Макаренко 2013]. Но в Предисловии к польскому изданию книги о Вебере [Andreski 1992^b] Андрески, в духе своих апелляций к социальной реальности, встраивает указанную проблематику уже в контекст распада советского блока и СССР. Андрески обращает внимание на роль социальных наук в порождении подобных ситуаций. Поэтому новое издание книги может рассматриваться как репортаж о клубке вопросов, возникших в середине XX в. и до сих пор образующих ткань российской интеллектуальной культуры на фоне текущих социально-политических процессов.

Реакция Андрески на события 1990-х гг. разворачивается в традиционном пространстве отношения стран Восточной Европы к Западу. Вся сознательная жизнь Андрески прошла на Западе. И, возможно, именно поэтому он рекомендует свою книгу читателям как лекарство от привычки жителей стран Восточной Европы обожать все западное. По мнению Андрески, посткоммунистические инновации в странах Восточной Европы целиком состоят из непереваренного импорта, в результате чего происходит не только обеднение автохтонных языков, но возникает проблема анализа отношения между обиденными языками всех общностей и словарями всего круга социальных наук. Примерами такого импорта Андрески считает оборот *Я это куплю* (*I buy it*) в смысле *Я согласен*, употребление слова *продать* (*to sell*) в значении *убедить*, мода использовать слово *агрессивный* вместо *энергичный* и т.п. Такого рода импорт отражает самую негативную сторону коммерциализированной культуры — принцип, согласно которому убеждения и верования являются товарами, которые покупаются или продаются ради выгоды или прибыли. Этот принцип не только подрывает этику и привносит недоразумение в социологические и психологические дискуссии, но и создает барьеры для социальных наук, которые не могут оторваться от обиденного языка.

В отличие от большинства приверженцев западной моды, Андрески на протяжении всей книги использует немецкий термин *Hochstapler*, прижившийся в польском языке [Andreski 1992^b]. Данный термин в зависимости от контекста может переводиться как самозванец, аферист, авантюрист, проходимец, мошенник, шут, колдун, и т.п. Андрески предлагал применять его для квалификации большинства представителей социальных наук стран Запада. Он считал, что по отношению к числу населения шарлатанов меньше в Нью-Йорке, Лондоне и Париже, чем в Бухаресте и Киеве. «Но шарлатану из Киева трудно будет пробиться где бы то ни было за границей, тогда как проходимца из Нью-Йорка везде будут раболепно приветствовать. Таким же образом обстоит дело с различного рода журналистскими публикациями, фильмами и т.п.» [Andreski 2002, 10].

Главной целью своего творчества Андрески считал борьбу с ложными социальными представлениями. Здесь он, конечно, не оригинален — существует целая традиция такой борьбы, восходящая к Ф. Бекону и с разной степенью успеха реализованная в условиях последующих войн и революций в сфере социально-гуманитарного знания [Хобсбаум 2004; Розеншток-Хюсси 2002]. Но оригинальной является формулировка Андрески исходной посылки его исследования: многое из того, что считается научным исследованием человеческого общества и поведения, незначительно отличается от занятий колдовством и шарлатанством. Для этого, полагал он, существуют организационные и психологические мотивы в самой науке: едва ученый обретает власть над источником финансовых средств, организацией конференций и карьерой молодых ученых, как он сразу попадает в окружение людей неискренних, стремящихся обрести его благосклонность. Иначе говоря, ради реализации целей науки (с учетом дискуссионности самих этих фундаментальных целей) требуется борьба с «человеческими, слишком человеческими» мотивами и нормами поведения большинства научного сообщества — причем, с учетом принудительного характера любых социальных технологий этой борьбы.

Если судить по количественным показателям, замечает Андрески, то социальные науки в 1950–1960-е гг. переживали период расцвета: конгрессы, конференции, число ученых и публикаций росли как грибы после дождя. Именно тогда концепт «научно-технической революции» стал идеологемой, в состав которой входило убеждение: социальные науки преодолели методологическую и содержательную границу, отделяющую их от точных наук. Всю эту ситуацию Андрески называет замаскированной пропагандой. По его мнению, склонность к бессодержательности и ошибкам при рефлексии о человеческом поведении вытекает из общих культурных, политических и экономических тенденций современного мира. Он предлагает включить свою книгу в состав социологии знания, хотя большинство содержащихся в ней тезисов лучше определить как «социологию незнания» и использовать эту книгу для фальсификации (в Попперовском смысле слова) главных идей социологии. При этом позиция Андрески опирается на систематизацию множества методологических, социологических, психологических и исторических тем, которые в совокупности образуют пропедевтику социологии.

Наиболее фундаментальной и одновременно самой трудной проблемой социологии является отношение между идеями и интересами. Андрески суммирует основные подходы к решению данной проблемы, сформулированные мыслителями XIX–XX вв.: социальные классы предпочитают идеологию, которая обслуживает их интересы (К. Маркс); но поскольку ни один человек не признается в том, что его выбор убеждений подчинен исключительно борьбе за власть и престиж, надо исходить из наличия бессознательной хитрости (З. Фрейд); а разум при этом бессознательно создает приемы и стратегии, которые управляют поведением индивидов (А. Адлер). Для обоснования правомерности переноса этой своей гипотезы на поведение классов и масс Андрески ссылается на две известные социологические концепции: правящие классы часто поддерживают доктрины, которые приводят их к самоуничтожению (В. Парето); распад и гибель сообществ являются не менее «естественным» явлением, чем их временное сохранение и стабильность (Г. Спенсер). На этой основе Андрески заключает: модель Парето не

менее приемлема, чем концепция Маркса. А затем дает очерк норм поведения, в равной степени способствующих самосохранению и самоубийству социальных классов и профессиональных групп.

Анализируя отношение между идеями и интересами, Андрески не ограничивается теориями перечисленных выше мыслителей. Во второй половине XX в. существенное дополнение в разработку данной тематики внесли А. Хиршман и П. Бурдьё [Hirschman 1987; Бурдьё 2016]. При этом и тот и другой сделали особый акцент на идеологических и властно-политических (государственно-управленческих) аспектах отношения между идеями и интересами. А сегодня книга Андрески представляет несомненный интерес, поскольку содержит множество соображений, эффективных для осмысления последствий служебного положения науки [Науки и кризисы 2003].

Андрески считает, что в любой профессии постоянные взаимные обвинения и критика могут сделать совместный труд невозможным. В старых и укрепившихся профессиях (врачи, юристы, педагоги) недопустимость такой взаимной нетерпимости ставится на уровень главных этических требований. В противном случае трудно было бы сохранить атмосферу сотрудничества в любой группе. Шансы на выздоровление пациента в большой мере зависят от веры в доктора, связанной с его репутацией, и статусом врачебной профессии. Поэтому успех медицины, юриспруденции и педагогики понизится, если представители этих профессий будут обвинять друг друга.

С другой стороны, применение этого принципа зачастую мотивируется стремлением к общей пользе (в виде денег и престижа), а не альтруистическим желанием сотрудничества между индивидами. Благодаря использованию данного принципа врачи приобрели высокое социальное положение, богатство, защиту от наказания за некомпетентность и возможность черпать из своей профессии психологическую пользу, независимо от недостатков знания и ума. Врачи пользуются исключительным положением, поскольку люди имеют с ними дело в роли пациентов, для которых типично состояние слабости, испуга, потребности утешения. Юристы тоже увеличивают свой престиж и доходы, используя язык, который непонятен для профана и вынуждает его пользоваться дорогостоящими советами. При контакте с клиентами чиновники тоже привыкли избегать взаимной критики. Таким образом, представители всех перечисленных профессий уклоняются от ответственности и гарантируют для себя привилегии, типичные для любого монополиста.

На этой основе Андрески констатирует: честность – стратегия для тех, кто предоставляет услуги лишь тогда, когда клиент знает, что его ждет, когда он может оценить качество работы и платит за нее. Никто еще не достиг успеха, делая сапоги, которые сразу разваливаются, или ножницы, которые не режут. Но уже в жилищном строительстве дефекты материала и плохая работа обнаруживаются спустя время, и в этих сферах нечестность может принести пользу. Этот сюжет книги Андрески созвучен с основными идеями Д. Норта [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], который предлагает изучать обман, мошенничество и оппортунизм не просто как распространенные социальные явления, а на основе анализа поведения профессиональных групп. В этом смысле пафос его книги может быть сопоставлен с основными идеями Л. Флека (земляка Андрески) относительно проблемы фактуальности, сформулированными Л. Флеком на основе изучения врачебной практики [Флек 1999]. Нетрудно увидеть также созвучие критики Андрески с критикой А. Макинтайром всех профессий, посредничающих между «человеком и Богом» и развивающих все способы и приемы манипуляции индивидами, группами, обществами и государствами [Макинтайр 2000]. Традиция критики любых форм посредничества является классической для истории американской культуры и цивилизации [Бурстин^а; Бурстин 1993^б; Бурстин^в], а в отечественной культурологии приобрела форму апологетики медиации [Ахиезер 1998]. На мой взгляд, концепция Андрески может использоваться для изучения сравнительных достоинств и недостатков конкурирующих в этой области подходов.

Поскольку следствия врачебной, юридической и педагогической терапии трудно определить, постольку все они чреватые шарлатанством. Особенно это относится к профессиям, которые оправдывают свое существование поиском общих истин и

достижением высоких идеалов. В этом случае ссылка на принцип «собака собаку не ест» скрывает паразитизм и шарлатанство. Чем выше идеалы, тем труднее их реализовать в повседневной жизни, и, соответственно, тем больше соблазн лицемерия. И Андрески делает вывод: социальные науки являются привлекательным полем для шарлатанов. В социальных науках нет никакого механизма контроля, что открывает широкое поле для догматизма, доктринерства и шарлатанства. При этом Андрески предлагает исходить из самоочевидного факта: число воров и лжецов сегодня не уменьшилось по сравнению с эпохой жизни Христа, несмотря на два тысячелетия осуждения воровства и лжи. И он ставит задачу создания энциклопедии всех видов шарлатанства, которые квалифицируются как «научное исследование человеческого поведения». По его мнению, все виды социальных наук попадают в состав данной энциклопедии.

Книгу Андрески можно считать введением в эту гипотетическую энциклопедию. Главным концептом для анализа социальных наук Андрески считает «дилемму колдуна». Большинство проблем социального анализа вытекает из того обстоятельства, что во вселенной нет ничего сложнее человеческого мозга. Разум может создать более совершенную модель менее сложных по сравнению с ним вещей. Но разум ограничен при управлении объектами с аналогичной или большей степенью сложности. По этой причине понимание сознания индивидов и групп никогда не достигнет того уровня адекватности, который характерен для физики или химии. Более того, Андрески указывает на невозможность индивида в любое время достичь такого понимания собственного разума, чтобы на основе данного понимания он смог предвидеть свои будущие состояния. Такая задача предполагает создание рациональной модели не меньшей степени сложности, чем сам разум или система, которая смогла бы на его основе делать выводы. Иначе говоря, в этом случае часть должна была бы сравняться с целым, но оставаться частью.

Другая трудность формулировки обобщений по поводу сетей человеческих отношений (групп, обществ, государств, экономических систем и т.д.) является всеобщая нестабильность, которую Андрески иллюстрирует цитатой из «Азбуки относительности» Б. Рассела, отражающей познавательные трудности исследования общества и культуры по сравнению с познанием природы [Рассел 2016]. «Представим себе, — пишет Андрески, — насколько осложнилось бы положение точных наук, если бы исследуемые ими объекты обрели бы способность реагировать на теории относительно их самих; если бы химические соединения могли бы услышать или прочесть, что говорит или пишет о них химик, и сумели бы выпрыгивать из колб для нападения на того, кто составляет о них таблицы или пишет в тетради. Представим, насколько затруднилась бы проверка истинности законов химии, если бы с помощью многократного повторения удалось бы создать в химических соединениях склонность соблюдать эти законы, но, с другой стороны, всегда оставался бы риск, что они поступят назло науке и поведут себя совсем иначе. При таких условиях химикам не только было бы трудно открыть даже основные закономерности, но они должны были бы еще и следить за своей речью в опасении, что не учтенные химические соединения набросятся на них. Задача осложнилась бы еще более, если бы химические соединения смогли угадывать намерения ученых и организовано действовать с целью сокращения собственных тайн. Именно в такой ситуации находятся ученые, которые изучают поведение человека» [Andreski 1992^b, 29–30].

Собственная позиция Андрески по проблеме познания общества и культуры такова: ни детерминизм, ни индетерминизм невозможно доказать как онтологический принцип, поэтому определенность в данном вопросе имеет статус метафизической веры. Детерминизм можно доказать лишь тогда, когда удалось бы установить причину последнего из всех необъясненных событий. Индетерминизм можно доказать лишь тогда, когда удалось бы доказать его невозможность. Иначе говоря, для доказательства правоты детерминизма следовало бы показать, что в один прекрасный день знание станет полным, и хотя невозможно доказать, что оно не существует в разуме Бога, крайне маловероятно, чтобы этого достигли смертные люди. Более того, можно

доказать, что абсолютная «предвидимость» логически невозможна по отношению к системе, часть которой образует сам наблюдатель, ибо он своими действиями (включая предвидения) влияет на другие части системы. Его предвидения образуют часть причинно-следственной цепи, и он мог бы полностью предвидеть будущее лишь тогда, когда предвидел бы собственные предвидения, что стало бы возможным, только если бы он мог предвидеть предвидения собственных предвидений... и так далее, до бесконечности. Множество явлений имеют причинное объяснение, но не все объяснения известны, потому и можно открывать новые. Смертные люди никогда не достигнут такого состояния знания, когда будет открыто все.

Решение проблемы истины в социальных науках, рассуждает Андрески, зависит от понимания термина «наука». Если понимать его как science, то ни экономика, ни психология, ни социология, ни любая другая дисциплина о деятельности человека не заслуживают имени науки. Но если использовать термин «наука» для обозначения любого систематического исследования, целью которого является создание детального описания, обоснованных объяснений и обобщений, основанных на фактах, то можно признать указанные выше сферы знания науками, хотя степень их «научности» будет зависеть от конфликта между стремлениями и фактическими достижениями. Вне указанных пределов дискуссия о статусе этих достижений будет чисто словесной, что нетрудно заметить. Так, в Великобритании идут жаркие дискуссии о допустимых границах «научности». Эта дискуссия вытекает из строгого разделения arts и science (при котором arts означает все предметы гуманитарных наук) в английских школах и университетах и связана с игрой за престиж профессии.

Андрески полагает, что, в отличие от специалиста-естествоиспытателя, «исследователь» человеческого поведения напоминает колдуна, который с помощью заклятий пытается вызвать урожай или дождь. Его теории проверить трудно. Поэтому люди хотят, чтобы он говорил им то, что они желают услышать, и его могут наказать за неприятные суждения или предсказания, подобно тому как подвергались смерти колдуны за то, что не смогли исцелить своих господ. Люди по-прежнему хотят достигать своих целей путем влияния на других. Поэтому они всегда будут стараться напугать или подкупить колдуна, чтобы он действовал в их пользу и высказывал «правильные» заклятья или хотя бы говорил то, что они слушают с удовольствием. Почему же колдун должен сопротивляться угрозам и соблазнам, если в его сфере трудно доказать что бы то ни было, а удовлетворение желаний, игра на человеческих эмоциях и даже сознательная ложь могут оставаться безнаказанными? Дилемма колдуна вырастает из невозможности возврата назад: после перехода определенной грани трудно признаться в том, что впустую потрачены целые годы на погоню за призраками или на использование человеческой наивности. Для устранения сомнений, тревог и чувства вины колдун движется по линии наименьшего сопротивления и разрабатывает до бесконечности сеть фикций и лжи, все громче говоря при этом о стремлении к объективности и поиске истины.

Практические результаты развития социальных наук скорее аналогичны роли колдуна в примитивных племенах, чем функции ученых в современных индустриальных обществах. Теории политологов и социологов в большинстве случаев выходят за пределы проверяемости. Трудно обнаружить примеры значительных политических или экономических решений, основанных на советах таких колдунов. Но больше всего повлияли на поведение людей психологи и социологи семьи, которые пользуются успехом (особенно в США) в распространении собственных представлений о человеческой природе.

Конечно, нетрудно отмахнуться от нарратива Андрески и считать его взгляды просто проявлением обиды на коллег. Но как быть с тем фактом, что многие политические деятели пользовались услугами провидиц и колдунов? Для доказательства истинности своих рассуждений Андрески детально исследует три ключевых темы: положение психологии и социологии в США и других странах; критика системы образования; феномен падения профессионализма.

Для анализа первой темы он применяет критерий «здравого рассудка». Если научные исследования базируются на достоверном и конкретном знании, то неизбежно

возникнет положительная корреляция между числом специалистов и достигнутыми результатами. По этой причине в стране с множеством специалистов по телекоммуникациям, врачебному делу и банковским услугам указанные сферы будут разнообразнее и лучше, чем в стране, где таких специалистов мало. Отсюда нетрудно заключить: в странах, в которых распространены услуги психологов, семьи более устойчивы, отношения в трудовых коллективах более гармоничны, помощь близким является общепринятой, а число преступников, вандалов и наркоманов меньше, чем в странах, в которых психологов мало. Из таких посылок вытекает: США – это страна гармонии; на протяжении последней четверти века положение в США значительно улучшилось с точки зрения количества психологов, социологов и политологов.

Между тем Андрески на основе конкретных социологических исследований фиксирует обратную зависимость: рост наркомании, числа преступлений, разводов, расовых конфликтов и других социальных болезней создал в США потребность в большем числе психологов. Обилие психотерапевтов не улучшило ситуацию, а увеличило число социальных болезней, поскольку резкий прирост числа психологов, социологов и политологов произошел *до того*, как кривые преступлений начали расти.

Доказательством тому является школьная сфера США. Именно в ней за последние годы зафиксировано самое резкое падение качества, хотя число психологов и социологов в ней росло быстрее, чем во всех остальных сферах общества. Наибольшее число психологов, социологов и гибридных сочетаний указанных профессий зафиксировано в США. Если сравнить массив транслируемого знания (а не число выданных дипломов) с понесенными расходами, то нет сомнений в том, что американские школы – самые непроизводительные в мире, даже с учетом наиболее бедных стран Африки и Латинской Америки. Ни в какой другой точке земного шара невозможно встретить такое число молодых людей, которые после 12 лет школы не умеют толком читать и писать, что типично для американских университетов. Ни в какой другой стране мира невозможно стать профессором знаменитого университета, не умея при этом грамотно писать и правильно использовать смыслы слов. Такая профессура чаще всего занимается социологией, психологией, педагогикой, антропологией, политическими науками и даже историей. Поэтому недалеко от истины утверждение: падение качества обучения связано с расцветом социальных наук – не с точки зрения их природы, но вследствие модного вздора, некритически воспринимаемого людьми, которые ими занимаются. Эти явления не ограничиваются США. В других странах тоже можно наблюдать связь падения качества обучения с расцветом социальных наук. Люди, которые обязаны высказываться на тему социальных проблем, порожденных прогрессом цивилизации, не научились даже правильно писать на родном языке.

К тому же производительность крупных предприятий падала после роста числа занятых в них социологов и политологов. Разумеется, это не доказывает, что именно они были причиной ухудшения, однако ставит под вопрос их пользу. «Психологов (особенно психоаналитиков), – иронизирует Андрески, – можно использовать для выполнения одной-единственной задачи: в тех сферах, в которых работник начинает выдвигать претензии, его направляют к психологу, а тот убеждает его во всех видах присущих ему бессознательных кровосмесительных или гомосексуальных влечений, после чего озабоченный работник забывает о требовании поднять зарплату» [Andreski 1992^b, 36]. Не исключено, что накопление социальных проблем вызвало рост потребности в таких специалистах и тем самым способствовало росту их числа. Но независимо от меры истинности каждой из указанных интерпретаций, ясно одно: специалисты помогли мало; они ухудшили положение, используя неправильную терапию.

Мне кажется, что этот фрагмент книги Андрески предполагает сопоставление его выводов и оценок с общей ситуацией в теории и практике образования [Огурцов, Платонов 2004]. Во всяком случае, феномен падения профессионализма в сфере социальных наук нарастал на протяжении всего XX в. Андрески указывает примеры удачных предсказаний отдельных мыслителей. Около 1900 г. Парето и Моска (независимо друг от друга) предсказали, какая социальная система может возникнуть в

результате практического воплощения идей Карла Маркса, хотя ни один из них не предполагал, что произойдет нечто подобное тому, что произошло на самом деле. То были гипотетические долговременные прогнозы, авторы которых не считали их следствиями собственных теорий, но которые не противоречили данным теориям. Примерно в то же время Вебер предвидел триумф бюрократии над индивидуальным капитализмом в результате бюрократизации предприятий. Маркс высказал немало несбывшихся предсказаний, но он был недалек от истины, когда говорил о концентрации власти над производством в руках небольшого числа влиятельных лиц. Токвиль оказался лучше всех в предвидении течения событий, и ни одно из его предвидений не оказалось полностью ложным.

Однако все эти примеры были личными достижениями творческого воображения, поскольку они не опирались ни на какую определенную теорию, но стали возможны благодаря глубокому знанию природы человека и общества их авторами. Тогда как оценки большинства ученых определялись не столько профессиональным знанием, сколько интеллектуальными модами эпохи: в 1914 г. большинство ученых в сфере социальных наук были ура-патриотами, в 1920-е — пацифистами, в 1930-е гг. левыми, в 1950-е сторонниками конца идеологии, в конце 1960-х идентифицировались с контркультурой и новыми левыми. Правда, во многих ситуациях в социальных науках господствовали различные оценки по поводу наиболее важных вопросов. Однако в целом линии разделения совпадали с теми, которые можно было обнаружить среди торговцев или чиновников, что позволяет предположить: обладание профессиональным знанием мало что меняет. В общем случае, в таких вопросах оценки экспертов значительно не отличаются от общепринятой оценки класса, из которого они происходят. У Андрески идет речь о классе обладателей дипломов, зарабатывающих с их помощью на жизнь.

Андрески обращает также внимание на то, что адепты социальных наук приписывают себе и своим коллегам правую или левую ориентацию. Но это доказывает лишь то, что категории, которыми они оперируют, не точнее представлений первого попавшегося прохожего. Как бы выглядела зоология или минералогия, если бы предметы их исследования были разделены на классы светлых и темных или на гладких и шершавых, — ставит он вопрос. Но даже такая классификация дала бы не худшие результаты по сравнению с тем, что происходит в социальных науках: указанные свойства существуют объективно и образуют определенный континуум. Тогда как никому еще не удалось ни точно определить, что значит в социальном плане *правое* или *левое*, ни бесспорно установить, кто от кого находится направо, а кто налево. Подобно мундирам и флагам, ярлыки нужны толпе, чтобы было ясно, кто кого должен бить, но что это за наука, которая признает, что все возможные позиции по отношению ко всем вопросам можно упорядочить в одном измерении, а потом даже не может их разместить на созданной шкале?

И свои рассуждения Андрески завершает констатацией: достижение единомыслия в социальных науках зачастую более производно от силы группы давления, чем от эффекта согласия, основанного на строгой верификации. Мода на «конец идеологии» обрела популярность не с научной точки зрения, но благодаря «манне небесной» со стороны различных фондов, которой были осыпаны западные интеллектуалы. Поэтому проще всего не забывать себе голову вопросом об истине и говорить людям то, что они хотят услышать, а ключ к успеху состоит в способности угадать, что хотят услышать богатые и влиятельные люди в данном месте и времени. «Ученый в области социальных наук, — утверждает Андрески, — обладает неопределенным и неточным, обычно высосанным из пальца знанием. В то же время он способен оказывать влияние своими выступлениями. Поэтому такой ученый напоминает чернокнижника, который подбирает слова не с точки зрения их познавательной полезности, но с точки зрения предполагаемых следствий, а затем выдумывает басни, направленные на доказательство истинности данных слов и оправдание своего социального положения» [Andreski 1992^b, 39].

Разумеется, адекватная оценка взглядов Андрески возможна лишь на основе новейших исследований всего круга поставленных им проблем и предполагает обращение к широкому комплексу науковедческих, социологических и, прежде всего, философско-методологических данных о результатах, положении и социокультурных функциях социального знания. На мой взгляд, методологическая эффективность концепции Андрески связана с тем, что опыт критики профессионального сообщества, к которому принадлежал Андрески, позволяет рассматривать его концепцию как важную составную часть современной теории социальной и политической критики [Уолцер 1999]. И для нас актуальность концепции Андрески определяется прежде всего тем, что она позволяет вернуться к обсуждению вопроса о положении социальных наук в мире [Слотердайк 2009] и в России. Такая работа в отечественной социологии уже началась [Бикбов 2014], и книгу Андрески можно рассматривать как важную концептуальную составляющую в разворачивании этого исследовательского направления.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Andreski, Stanislaw (1984) *Max Weber's Insights and Errors*, Routledge, London.

Andreski, Stanislaw (1992^a) *Wars, Revolutions, Dictatorships: Comparative Studies of Historical and Contemporary Problems*, Frank Cass, University of Reading, London.

Andreski, Stanislaw (1992^b) *Maxa Webera Olsnienia I pomyłki*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Andreski, Stanislaw (2002) *Czarnoksiestwo w naukach społecznych*, Oficyna naukowa, Warszawa.

Андрески 2011 – Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности / Пер. с польского В.П. Макаренко. // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 210–235 (<http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/13.pdf>) [Andreski, Stanislaw (1992^b) *Maxa Webera Olsnienia i Pomyłki*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, pp. 85–113].

Вебер 2016 – Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. в 4 т. Сост., общ. ред. и пред. Л.Г. Ионина. Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2017 [Weber, Max (1922) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*, 5, revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winkelmann, J.C.B. Mohr, Tübingen (Paul Siebeck) (Russian Translation, 2016 & 2017)].

Лукач 2017 – Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). Пер. с нем. яз., коммент., вступит. статья, указ. С.П. Поцелуева. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. [Lukács, György (2000) *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*, the MIT Press, Cambridge Massachusetts (Russian Translation, 2017)].

Ссылки – References in Russian

Ахиезер 1998 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, Сибирский Хронограф, 1998.

Бикбов 2014 – Бикбов А.Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014

Бурдые 2016 – Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). Пер. с фр. Д.Кралечкина и И.Кушнаревой; предисл. А.Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2016.

Бурстин 1993^a – Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993.

Бурстин 1993^b – Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993.

Бурстин 1993^c – Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993.

Макаренко 2011 – Макаренко В.П. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам (реферат книги: Stanislaw Andreski. Maxa Webera olsnienia i pomyłki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992) // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 178–209 // <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/12.pdf>

Макаренко 2013 – Макаренко В.П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К. Петрова. Ростов-на-Дону: Изд. МАРТ, 2013.

Макинтайр 2000 – Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Наука и кризисы 2003 – Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И.Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003/

- Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011 – *Норт, Д.; Уоллис, Д.; Вайнгаст, Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
- Огурцов, Платонов 2004 – *Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004.
- Петров 1996^a – *Петров М.К.* Научно-техническая революция и философия // Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 19–74.
- Петров 1996^b – *Петров М.К.* Язык и мировоззрение // Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 168–228.
- Поцелуев 2017 – *Поцелуев С.* Вспоминая Лукача // Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). Пер. с нем. яз., коммент., вступит. статья, указ. С.П. Поцелуева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Рассел 2016 – *Рассел Б.* История западной философии // Азбука относительности. Пер. с англ. яз. В.В. Целищева. М.: Издательство АСТ, 2016.
- Розеншток-Хюсси 2002 – *Розеншток-Хюсси О.* Великие революции. Автобиография западного человека. - М.: Библейско-богословский институт им.св.апостола Андрея, 2002.
- Слотердаик 2009 – *Слотердаик П.* – Критика цинического разума. Пер. с нем. А. Перцева; испр.изд.-е. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСЕ МОСКВА, 2009.
- Томэ, Шмид, Кауфман 2017 – *Томэ Д., Шмид У., Кауфман В.* Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. Пер. с нем. М. Маяцкого; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Уолдер 1999 – *Уолцер М.* Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия в XX веке. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Флек 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Хобсбаум 2004 – *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 5. P. 59–69

Stanislav Andreski: Initial Assumptions of Sociology of Ignorance

Viktor P. Makarenko

The name of Stanislav Andreski (1919–2007) is rarely mentioned in Russian works on social philosophy. This is attributed, in part, to his quite critical conceptual assessments of the state of modern social and human sciences. His harsh assessments are based on the direct appeals to the socio-political and humanitarian reality of the 20th century - the fact which explains the main reason for the unpopularity of his criticism. He devoted his life to the critical analysis of ideas of the classics of sociology (M. Weber) in the context of wars, revolutions, dictatorships and other catastrophes of the last century.

This article attempts to assess the methodological effectiveness of the approach presented in Andreski's works to modern sociology which is built on the reflections of his generation on the social reality of that time. Moreover, the author of the article justifies the idea that historical experience of Andreski's generation and the focus of the conceptual generalizations present also an undoubted existential, research and methodological interest to us living in a not so tragic, but nevertheless quite stormy era.

KEY WORDS: Stanislav Andreski, sociology of ignorance, charlatanry in science

MAKARENKO Victor P. – Institute of Philosophy, Social and Political Sciences at the Southern Federal University, 116, Dneprovskiy per., Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation.

DSc in Philosophy and Political Science, Professor, Chief Scientific Officer, Director of the Centre of Political Conceptology of the Institute of Philosophy, Social and Political Sciences at the Southern Federal University (Rostov on Don).

Received at September 23, 2018.

Citation: Makarenko, Victor P. (2019) 'Stanislav Andreski: Initial Assumptions of Sociology of Ignorance', *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2019), pp. 59–69.

DOI: 10.31857/S004287440005056-6

References

- Achiezer, Alexander S. (1998) *Russia. Critics of Historical Experience* (Social and Cultural Russian Dynamics), the Siberian Chronograph, Novosibirsk (in Russian).
- Bickbov, Alexander T. (2014) *Grammatics of Order. Historical Sociology of Concepts, changed Our Reality*, Publishing House of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow (in Russian).
- Boorstin, Daniel J. (1965) *The Americans: The National Experience*, Alfred A. Knopf, Inc. and Random House, Inc., N.Y. (Russian Translation 1993).
- Boorstin, Daniel J. (1973) *The Democratic Experience*, Vintage Books, N.Y. (Russian Translation 1993).
- Boorstin, Daniel J. (1958) *The Colonial Experience*, Random House, N.Y. (Russian Translation 1993).
- Bourdieu, Pierre (2012) *Sur l'État. Cours au Collège de France (1989-1992)*, Seuil., Paris (Russian Translation 2016).
- Fleck, Ludwik (1979) *Genesis and Development of a Scientific Fact*, The University of Chicago Press (Russian translation, 1999).
- Hirschman, Albert O. (1987) *Leidenschaften und Interessen. Politische Begründungen des Kapitalismus vor seinem*, Sieg Sabine Offe. 1, Auflage.
- Hobsbawm, Eric (1994) *Age of Extremes. The Short Twentieth Century, 1914-1991*, M. Joseph & V. Books (Russian Translation, 2004).
- MacIntyre, Alasdair (1984) *After Virtue: A Study in Moral Study*, University of Notre Dame Press, 2nd ed. (Russian Translation, 2000).
- Makarenko, Victor (2011). *Unbroken Record and the Problem of Attitude of Champions* (Abstract: Stanislav Andreski. *Maxa Webera olsnienia i pomyłki*. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992), *Political Conceptology*, № 1, pp. 178–209, <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/12.pdf> (in Russian).
- Makarenko, Victor (2013) *Practising Hegelians and Social Inertion: Fragments of Political Philosophy M.K. Petrov*, Mart Ed., Rostov on Don (in Russian).
- North, Douglass C., Wallis, John J. Weingast, Barry R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* Paperback, Cambridge University Press (Russian Translation, 2011).
- Ogurtzov, Alexander, Platonov, Vladimir V. (2004) *Education Images. Western Philosophy of Education. XX Century*. RCGI, St. Petersburg (in Russian).
- Petrov, Michail K. (1996) *Scientific and Technicak Revolution and Philosophy*, Petrov, Michail Historical and philosophical Research, ROSSPEN, Moscow, pp. 19–74 (in Russian).
- Petrov, Michail K. (1996) *Language and Worldview*, Petrov, Michail Historical and philosophical Research, ROSSPEN, Moscow, pp. 168–228 (in Russian).
- Pozeluev, Sergey (2017) *Lukács Remembering*, Lukács, György *History and Class Consciosness: Stidies in Marxist Dialectics*, Russian Foundation of Support for Education and Science, Moscow (in Russian).
- Russell, Bertrand (1958) *The ABC of Relativity*, George Allen & Unwid Ltd, Museum Street London (Russian Translation, 2016).
- Rosenstock-Huessy, Eugen (1993), *Out of Revolution: Autobiography of Western Man* (2 ed.), Providence and Oxford: Berg Publishers, Inc. (Russian Translation, 2002).
- Science and Crisis: Historical and Comparative Essays*, ed. E.I. Colchinsky, Dmitry Boulanin, St. Petersburg (in Russian).
- Sloterdijk, Peter (1983) *Kritik der zynischen Vernunft*. 2 Bände. Suhrkamp, Frankfurt am Main (Russian Translation, 2009).
- Thomä, Dieter, Ulrich Schmid, Kaufmann, Vincent (2015) *Der Einfall des Lebens. Theorie als geheime Autobiographie*, Carl Hanser Verlag, München (Russian Translation, 2017).
- Walzer, Michael (1989) *The Company Of Critics: Social Criticism And Political Commitment In The Twentieth Century*, Peter Halban, London (Russian Translation, 1999).